

Семидесятые годы прошлаго столѣтія въ исторіи Императорскихъ театровъ отмѣчены паденіемъ сценическаго искусства.

Одинъ балетъ, наполненный воспитанницами и воспитанниками Императорскихъ театральныхъ школъ Петербурга и Москвы, продолжалъ держаться на своемъ прежнемъ положеніи.

Для управленія Императорскими Московскими театрами была образована изъ трехъ лицъ коммиссія, въ составъ которой были инспекторъ репертуара В. П. Бегачевъ, управляющій Московскою конторой театровъ Л. Н. Оберъ и въ качествѣ председателя П. А. Кавелинъ.

Въ дѣла Московскаго театра стали вмѣшиваться мелкіе чиновники конторы и, пользуясь расположеніемъ г. Кавелина, много способствовали водворенію въ театральную жизнь разныхъ безпорядковъ. Л. Н. Оберъ, начавъ службу при дирекціи смотрителемъ театральныхъ зданій, долгое время, служилъ инспекторомъ Московской театральной школы. Это былъ очень добрый человекъ и, сдѣлавшись управляющимъ конторой, кромѣ подписыванія бумагъ, ни во что не входилъ. Онъ былъ довольно старъ и нерѣдко во время спектакля засыпалъ въ ложѣ.

Невѣроятно экономный баронъ Кистеръ очень неохотно разрѣшалъ даже назначенныя по бюджету суммы на постановку новаго балета или оперы.

Къ концу 1870-хъ годовъ колебаніе въ управленіи театрами, несимпатичныя отношенія между начальниками и артистами невыгодно отзывались на ихъ дѣятельности. Изчезъ животворящій духъ искренности между артистами, смолкла дружеская товарищеская взаимная критика. О дѣятельности и знаніи кн. Шаховскаго, Ковошкина и Верстовскаго осталось лишь одно воспоминаніе.

Небосклонъ театральнаго міра сталъ затуманиваться неудовольствіемъ, апатіей и незиманіемъ артистовъ и служащихъ въ дирекціи ко всему окружающему жизни сцены.

Между артистами появился даже слухъ, будто кто-то изъ высшихъ театальныхъ чиновниковъ, для сокращенія придворныхъ расходовъ, осмѣлился предложить Государю сдать Императорскіе театры въ частныя руки, но получилъ отъ него такой отвѣтъ: „Развѣ я такъ бѣденъ, что не могу имѣть своего театра?“—Тѣмъ это дѣло, къ счастью, и кончилось.

До восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія въ Императорскихъ театрахъ по праздникамъ и воскресеньямъ устраивались маскарады. Сцена представляла большой залъ, полъ сцены чрезъ закрытіе оркестра соединялся съ поломъ зрительнаго зала и такимъ образомъ составлялся одинъ громадный залъ, роскошно освѣщенный и обставленный. Танцы происходили при двухъ оркестрахъ музыки и подъ руководствомъ балетныхъ артистовъ, назначаемыхъ дирекціей.

Въ былое время эти маскарады посѣщала только избранная, прекрасно костюмированная московская публика, веселившаяся часовъ до трехъ ночи.

Въ 60 хъ годахъ появилась новая публика и вскорѣ въ маскарады стали приходить личности, слишкомъ развязно себя державшія и кое-какъ одѣтыя. Къ 70 мъ годамъ лучшая московская публика перестала посѣщать маскарады. Въ нихъ образовалась особенная разношерстная толпа, многіе позволяли себѣ неприличныя выходки, являлись даже пьяными и производили шумъ.

Къ концу 70-хъ годовъ театральные маскарады превратились въ безобразную толкучку. Въ началѣ маскарада среди толпы замаскированныхъ и незамаскированныхъ лицъ уже можно было встрѣтить полуодѣтыхъ, неприлично себя державшихъ, а къ концу маскарада въ буфетѣ и въ залахъ образовывался настоящій содомъ—шумъ, крикъ, кривлянья и драки.

Послѣ каждаго театральнаго маскарада, въ тверскомъ частномъ домѣ составлялось нѣсколько протоколовъ и нѣкоторыхъ оставляли въ части до вытрезвленія.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра III, театральные маскарады, какъ унижающее достоинство Императорскихъ театровъ, повелѣно было прекратить.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. МУХИНЪ.